

ЕЩЕ РАЗ О «ХАЛКИДСКОЙ ПСЕФИЗМЕ», IG, I², № 39

Вот уже почти целое столетие привлекает внимание ученых афинское постановление о Халкиде, найденное в 1876 г. на южном склоне Акрополя. Камень исключительной сохранности, тем не менее содержание декрета стало предметом оживленной дискуссии. Особую полемику среди ученых вызвали в надписи строки 52—57. Достаточно сказать, что за истекшие почти что сто лет эти шесть строчек обсуждались так или иначе примерно в полусотне работ. Вполне попятно поэтому, какую ответственность должен взять на себя исследователь, выдвигающий новую интерпретацию. Учитывая это, я собираюсь все же сделать еще одну такую попытку.

Надпись нанесена на мраморную стелу; по состоянию камня видно, что слева к нему прикреплялась еще одна плита, а сверху их обоих венчал, очевидно, рельеф с вырезанным под ним именем секретаря¹, пропуск которого в тексте беспрецедентен. В настоящее время хранится в Музее Акрополя².

Документ датируется большинством исследователей на основании палеографии и исторических соображений 446—445 гг. до н. э. Не так давно Г. Мэттингли попытался передатировать декрет и отнести его к 424/3 г.³ Однако, как показала убедительная критика⁴, эту попытку надо признать неудачной. Таким образом, прежняя датировка остается в силе.

Исторический контекст создания декрета следующий. В 446 г. эвбейские города подняли восстание и отложились от Афин (Thuc., I, 114, 1). Поводом к восстанию послужило, вероятно, водворение Толмидом в 447 г. на Эвбее 1000 клерухов (Diod., XI, 88, 3; Paus., I, 27, 5). Перикл с войском переправился на Эвбею, но скоро был вынужден отступить из-за того, что спартанский царь Плейстоанакт вторгся в Аттику (Thuc., I, 114, 2). После того как войско лакедемонян удалось с аттической земли, афиняне во главе с Периклом опять переправились на остров и покорили все тамошние города, приведя их к договорному соглашению (*βιολογία κατεστήσαντο*). Только жителей Гестиэи они выселили и сами стали владеть их землей (Thuc., I, 114, 3). За этим последовало заключение ряда договоров (*βιολογίαι*, по выражению Фукидида), один из которых — перед нами.

Постановление о Халкиде делится на три части, соответствующие трем выдвинутым предложениям. После краткой преамбулы (сткк. 1, 2) идет предложение Дногнета. Оно предусматривает: § 1 (сткк. 3—20) — клятва афинских булевтов и дикастов и порядок ее приема, § 2 (сткк. 21—39) — клятва халкидян и порядок приема последней. Затем следует предложение, выдвинутое Антиклеем: § 1 (сткк. 40—47) — порядок проведения присяги в Халкиде и состав афинского посольства для приема клятвы, § 2 (сткк. 47—52) — постановление о халкидских заложниках, § 3 (сткк. 52—57) — постановление о ксенах в Халкиде, § 4 (сткк. 57—64) — порядок фиксации декрета и клятвы, § 5 (сткк. 64—69) — о жертвоприношениях за Эвбею. Последним идет предложение Архестрата: § 1 (сткк. 71—76) — о судебных разбирательствах и апелляции к афинскому суду, § 2 (сткк. 76—79) — предписание стратегам об охране Эвбеи. Внизу большими буквами вырезано *ἄρχος* (стк. 80).

Настоящая статья посвящена только одному, однако самому сложному, месту надписи — § 3 предложения Антиклея. Текст его следующий:

¹ Как, например, в IG I², № 81; ср. M. G u a r d u s c i, Epigrafia greca, II, Roma, 1969, рис. 185.

² Основные издания: S. K u m a n d i s, Ἀθήναιον, 5, 1876, стр. 76 сл. (*editio princeps*); U. K o e h l e r, AM, 1, 1876, стр. 184 сл.; P. F o u c a r t, RA, 33, 1877, стр. 242 сл.; M i c h e l, № 70; Syll.³, № 64; IG, I², № 39; T o d, GHI, I², № 42; ATL, II D. 17; H. B e n g t s o n, Staatsverträge des Altertums, II, München — Berlin, 1962, № 155; M — L, № 52; фото — ATL, II, табл. 10. Стойхедон — 32.

³ H. B. M a t t i n g l y, JHS, 81, 1961, стр. 124 сл.

⁴ R. M e i g g s, JHS, 86, 1966, стр. 92 сл.; ср. M — L, стр. 143 сл.

52 τος ὁ—
 ἐ χσένος τός ἐν Χαλκίδι, ἥσοι οἰκόντες
 55 με τελοῦσιν Ἀθηνάζε, καί εἰ τοι δέδοται ἡ—
 ὑπὸ τῷ δέμῳ τῷ Ἀθηναίῳ ἀτέλεια, τός δὲ ἄ—
 λλος τελεῖν ἐς Χαλκίδα, καθάπερ ἦοι ἄλλο—
 ι Χαλκιδέες.

При изучении этого места возникает ряд вопросов. Во-первых, что за ξένοι упоминаются в надписи; во-вторых, каков характер тех τέλη, которые имеются в виду под словами τελοῦσιν, τελεῖν и ἀτέλεια; и, наконец, как интерпретировать реально и исторически содержание данной клаузулы. При исследовании перечисленных проблем учеными была выдвинута масса вариантов истолкования; рассмотрим их по порядку.

По первому вопросу, несмотря на большое количество мнений, все эвзегеты, по справедливому замечанию Ф. Готье⁵, разделились на два основных лагеря. Ученые одного лагеря считали, что ξένοι, ὅσοι τελοῦσιν Ἀθηνάζε (логически вытекающие из текста надписи) — это афинские клерухи, поселившиеся в Халкиде, а все прочие (τούς δὲ ἄλλους) — это постоянно живущие (οἰκόντες) в Халкиде ксены. Первым это объяснение предложил У. Кёлер⁶; ему следовали А. Кирхгоф⁷, В. Диттенбергер⁸, Ф. Грох⁹, К. Ф. Леманн-Хаупт¹⁰. Толкование Кёлера тут же было подвергнуто справедливой критике (см. ниже), тем не менее его опять возродили в сравнительно недавнее время авторы «Афинских списков фороса» (ATL, III (1950), стр. 297), выдвинув довольно слабый аргумент, что никакая категория неафинян так называться не могла. В последнее время такой трактовке склонны следовать П. Брант¹¹, его учитель В. Эренберг¹² и М. Манфредини¹³.

Ученые второго лагеря выставили против гипотезы Кёлера и его последователей основной веский аргумент, который, бесспорно, заставляет от нее отказаться. Первым выступил У. Виламовиц¹⁴, указавший на то, что афинский оратор Антиклей не мог стоять на халкидской точке зрения и назвать своих сограждан ξένοι вместо Ἀθηναῖοι. Тот же Виламовиц¹⁵, а не Э. Майер, как считают многие¹⁶, первым предположил, что ксены, платящие телос в Афины, — это афинские метеки, поселившиеся на конфискованной халкидской земле вместе с клерухами; оберегая интересы этой привилегированной части иностранцев, афиняне предоставили им наравне с лицами, получившими в Афинах ателию, освобождение от уплаты податей в пользу Халкидского полиса. До Виламовица примерно к таким же выводам пришел Г. Шенкль¹⁷. Он считал, что рассматриваемая категория ксенов объединяла не клерухов, а афинских граждан и метеков, переселившихся на Эвбею вместе с колонистами и после них (здесь он имеет в виду 4000 клерухов, поселенных в Халкиде еще в 506 г.—ср. Herod., V, 77, 2). После

⁵ P. Gauthier, Les XENOI dans textes athéniens de la seconde moitié du Ve siècle av. J.—C., REG, 84, 1971, стр. 67 сл.

⁶ U. Koehler, AM, I, 1876, стр. 194. сл.

⁷ CIA, IV, 1 (1877), № 27a, стр. 12.

⁸ Syll.¹ (1883), № 10, прим. 15.

⁹ Fr. Groh, «Listy filologické», 25, 1898, стр. 253 сл.

¹⁰ C. F. Lehmann-Haupt, Griechische und römische Geschichte, «Einleitung in die Altertumswissenschaft» von A. Gercke, E. Norden, III², Lpz — B, 1914, стр. 118 (потом он изменил свою точку зрения — см. ниже).

¹¹ P. A. Brunt, Athenian Settlements Abroad in the V Century B. C., «Ancient Society and Institutions. Studies ... Ehrenberg», Oxf., 1966, стр. 88. Интересно, что Брант говорит о ксенах только как о residents, но не упоминает, что они были прежде всего aliens.

¹² V. Ehrenberg, From Solon to Sokrates, L., 1968, стр. 225 (мне недоступна, цитирую по Готье).

¹³ M. Manfredini, SCO, 17, 1968, стр. 202.

¹⁴ U. v. Wilamowitz, Aus Kydathen, B., 1880, стр. 87 сл.

¹⁵ Он же, «Hermes», 22, 1887, стр. 249, прим. 1.

¹⁶ Например, Tod, GH1, I², стр. 86.

¹⁷ H. Schenk, Wien. St., 2, 1880, стр. 194; ср. C. A. Volquardsen, Burs Jahresb., XIX, 3, 1879 (1880), стр. 62.

замирения Эвбеи афиняне освободили всех «аттических людей» от власти Халкиды. Интерпретацию, схожую с этой, предложил В. Тумзер¹⁸, который, хотя и критикует Шенкля, но считает, что этими ξένοι были только афинские граждане. Впоследствии к выводам Шенкля пришли М. Клерк¹⁹, Ф. Ф. Соколов²⁰ и С. Я. Лурье²¹. Надо заметить, что и к данной экзегезе относятся критические возражения Виламовица и его сторонников: афинских граждан, даже если они и не были клерухами, аттический декрет едва ли мог называть ξένοι.

Объяснению Виламовица последовал М. Дункер²² (скорее всего независимо от него), Р. Шёлль²³, Г. Бузольт²⁴. Особое распространение это толкование получило после работы Э. Майера²⁵, за которым следуют Б. Оссулье²⁶, Э. Л. Хикс и Дж. Ф. Хилл²⁷, Ф. Гайер²⁸, Э. Штерн²⁹, И. Кирхнер³⁰, И. Липсиус³¹, Шульте³², Г. Свобода³³, У. Карштедт³⁴, Г. Нессельхауф³⁵, М. Н. Тод³⁶, Л. М. Глускина³⁷, Г. Бенгтсон³⁸. Из списка видно, что данного объяснения придерживалось большинство исследователей. Своеобразное мнение высказал В. Кольбе³⁹, также принадлежавший ко второму лагерю. Он предположил, что под «ксенами, не платящими телос Афинам» имеются в виду афинские метеки, получившие исотелию. Его гипотезу принял и развил К. Ф. Леманн-Хаупт⁴⁰, отказавшийся от своей первоначальной точки зрения о клерухах. В законченном виде его истолкование выглядело так: выражением ξένοι ἄσοι μὴ τελοῦσιν Ἀθήνας обозначена привилегированная категория афинских метеков — арендаторов халкидской земли, получивших в Афинах исотелию и, таким образом, не платящих никаких податей Халкидскому полису; остальные же метеки (τοὺς δὲ ἄλλους) получают исотелию в Халкиде и облагаются налогом наравне с ее гражданами. Леманн слишком усложнил гипотезу Кольбе и вызвал заслуженную критику Липсиуса⁴¹.

Кроме всех перечисленных надо упомянуть еще два особых мнения⁴². О точке зрения Ф. Гшницера будет сказано ниже, здесь же я остановлюсь на экзегезе одного

¹⁸ V. T h u m s e r, Wien. St., 7, 1885, стр. 68, прим. 83.

¹⁹ M. C l e r k, Rev. Univ. Midi, 20, 1898, стр. 13—18 (мне недоступна, цитирую по Готье).

²⁰ Ф. Ф. С о к о л о в, Клерухи афинские, Труды (1910), стр. 416 (впервые в ЖМНП, 1903, сент., отд. класс. филол.).

²¹ С. Я. Л у р ь е, Эксплуатация афинских союзников, ВДИ, 1947, № 2, стр. 19 и прим. 2.

²² M. D u n k e r, Geschichte des Altertums, NF, II, Lpz, 1886, стр. 91.

²³ R. S c h ö l l, Münch. Stzb., 1888, 1, стр. 4.

²⁴ G. B u s o l t, Griechische Geschichte, III, 1, 1897, Gotha, стр. 433, прим. 5.

²⁵ Ed. M e y e r, Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 146 сл.

²⁶ B. H a u s s o u l l i e r, «Revue critique», 50, 1900, стр. 27.

²⁷ E. L. H i c k s — G. F. H i l l, A Manual of Greek Historical Inscriptions, Oxf.², 1901, № 40, стр. 67.

²⁸ F. G e y e r, Topographie und Geschichte der Insel Euböia, B., 1903, стр. 51.

²⁹ E. v. S t e r n, «Hermes», 51, 1916, стр. 632 сл.

³⁰ Syll.³ (1915), № 64, прим. 15.

³¹ J. H. L i p s i u s, «Hermes», 53, 1918, стр. 409.

³² S c h u l t h e s s, RE, XI, s. v. κληροῦχοι, стб. 819.

³³ H. S w o b o d a, Stzb. Wien, 199, 2, 1924, стр. 20, прим. 5.

³⁴ U. K a h r s t e d t, GGN, 1931, стр. 166, прим. 4.

³⁵ H. N e s s e l h a u f, «Klio», Beih. 30, 1933, стр. 138, прим. 2.

³⁶ T o d, GHI, I² (1946), № 42, стр. 86.

³⁷ Л. М. Г л у с к и н а, Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э. ВДИ, 1958, № 2, стр. 73, прим. 16.

³⁸ B e n g t s o n, Staatsverträge ..., № 155, стр. 74.

³⁹ W. K o l b e, «Hermes», 51, 1916, стр. 479 сл. Критику см. S t e r n, ук. соч., стр. 631 сл. (Штерн не прибавил после Майера ни одного нового аргумента).

⁴⁰ L e h m a n n - H a u p t, «Hermes», 52, 1917, стр. 520 сл.; о н ж е, «Klio», 16, 1920, стр. 193 сл.

⁴¹ L i p s i u s, ук. соч., стр. 107 сл.; ср. B e n g t s o n, Staatsverträge ..., стр. 74.

⁴² Мне остались недоступными следующие работы: C. W e l s i n g, De inquilinorum et peregrinorum apud Athenienses iudiciis, Münster, 1877, стр. 31, прим. 5; G. F. H i l l, Sources for Greek History, I, Oxf.², 1907, стр. 130; F. G s c h n i t z e r, Abhängige Orte im griechischen Altertum, München, 1958, стр. 94, а также цитированные выше работы М. Клерка и В. Эренберга.

из первых интерпретаторов — Поля Фукара⁴³. Суть ее в следующем: халкидяне, чтобы уменьшить долю граждан в сборе фороса для Афинской архэ, были заинтересованы обложить налогами метеков. Декрет удовлетворяет их просьбу, но при этом оговаривает два условия: он освобождает от халкидского обложения иностранцев, получивших освобождение от него, дарованное афинским народом, и, кроме того, ксенов — граждан союзных податных городов — они платят форос на родине, и потому не должны уплачивать его второй раз, если они поселились в Халкиде. Однако такому истолкованию очень скоро Шенкль противопоставил свои контраргументы⁴⁴. Во-первых, отмечает он, у Фукара неверно переведен глагол *τέλειν*, ведь слово *τέλος* нигде не обозначало форос. Далее, не только в Халкиде, но и в любом союзном государстве форос раскладывался на весь полис целиком, а не на отдельных лиц. По какому же праву Афины могли наградить отдельных граждан этих городов освобождением от фороса? И, наконец, неслыханно, чтобы граждане, происходящие из одних городов, покинув родину и живя в другом городе, обязаны были, однако, вносить деньги в ставку фороса, уплачиваемую их родиной. Критику Шенкля нельзя не признать убедительной, но «все возвращается на круги своя», и так же как авторы АТЛ возродили гипотезу Кёлера, так и толкование Фукара получило вторую жизнь в недавно вышедшей работе Филиппа Готье. Заслуга его состоит прежде всего в том, что он первым показал, что определить сущность интересующей нас категории ксенов нельзя без анализа терминов *τέλειν* и *ἀτέλεια* и тем самым скрывающегося за ними характера сборов. К этой второй проблеме я и перехожу.

Удивительным образом большинство ученых до Готье оставляло этот вопрос без внимания. Употребляя в переводе современные термины вроде *Steuern, Abgaben, impôts, taxes, exemption of dues, immunity* и т. п. и считая их адекватными греческим *τέλειν* и *ἀτέλεια*, они лишь изредка ограничивались беглыми замечаниями, но никогда не подвергали их серьезному научному исследованию. Отсюда взгляды их на характер этих сборов априорны. Так, еще Кёлер⁴⁵ считал эти *τέλη* арендной платой, поскольку, по его словам, о других сборах ничего не известно. Фукар полагал⁴⁶, что это были налоги, шедшие в казну фороса. После Виламовица⁴⁷ большинство ученых второго лагеря видело в этом *τέλος* налог на метеков (*μετοίκιον*). Соколов⁴⁸, также не приводя никаких доказательств, считал, что эта ателия была освобождением от метойкии, от исполнения литургий и от эйсфоры.

Мнение Кёлера вместе с гипотезой о клерухах отвергнуто критикой. Против предположения о метойкионе Готье выдвинул ряд простых, но веских аргументов. Его возражения идут по двум направлениям: сначала он критикует гипотезу Виламовица — Майера о метекском статусе этих ксенов, а потом переходит к их фискальным обязанностям. По первому пункту он замечает⁴⁹, что нельзя представить себе подобную категорию «афино-халкидских метеков», можно было быть одним или другим метеком, но не двумя сразу. Представить себе такого «двойного» метека можно лишь, предположив, что Халкида вошла как дем в Аттический полис. Надпись, однако, показывает, что она сохранила свою автономию.

С другой стороны, как замечает Готье⁵⁰, финансовое обложение метеков было тройкого рода. Прежде всего это метойкион; можно ли себе представить, чтобы метека каждый месяц ездил в Афины уплачивать этот налог? Во-вторых, это литургии; но каким образом метека, постоянно живущий на Халкиде, мог исполнять их вдали от Афин? Наконец, эйсфора; но введение этого чрезвычайного сбора до Пелопоннесской

⁴³ P. Foucart, RA, 33, 1877, стр. 253.

⁴⁴ Schenkler, ук. соч., стр. 193 сл.

⁴⁵ Koehler, ук. соч., стр. 196. Он, очевидно, имел в виду телос типа того, который платили саламинские клерухи (IG, I², № 1; M — L, № 14, сткк. 2/3: 'Ἀθηνᾶς] σι τέλειν καὶ στρατ[ευσθ]ῶν).

⁴⁶ Foucart, ук. соч., стр. 253.

⁴⁷ Wilamowitz, «Hermes», 22, 1887, стр. 249, прим. 1.

⁴⁸ Соколов, ук. соч., Труды, стр. 416.

⁴⁹ Gautier, ук. соч., стр. 69.

⁵⁰ Gautier, ук. соч., стр. 70.

войны декретировалось крайне редко, и вообще по отношению к метекам он весьма проблематичен⁵¹. И, наконец, Готье приводит самый веский аргумент, который, кстати сказать, один позволил бы ему обойтись без всех предыдущих (там же, стр. 70 сл.). Каким образом другие иностранцы (οἱ ἄλλοι), проживающие в Халкиде также в качестве метеков, должны платить налоги καθάπερ οἱ ἄλλοι Χαλκιδέης? Такое сравнение в фискальном отношении метеков с гражданами невозможно, поэтому от теории о метековском статусе ксенов и метековском характере сборов приходится отказаться.

Как уже упоминалось, сам Готье вернулся к интерпретации Фукара⁵². В целом он считает ксенов, ὅσοι μὴ τελευσῶν Ἀθήνας, афинскими союзниками, поселившимися в Халкиде; они платят форос вместе со своей новой родиной — Халкидским полисом. От фороса освобождаются только отдельные лица, получившие афинскую ателию. Необходимо учитывать, что Готье привлекает «Халкидскую псефизму» как подтверждение своей главной концепции: термин ξένοι в афинских текстах второй половины V в. очень часто обозначал союзников (σύμμαχοι). Для интерпретации пассажа он приводит по сравнению с Фукаром ряд новых аргументов. Во-первых, он отмечает, что выражение τελεῖν ἐς + асс. означает также «считаться кем-то», например τελεῖν ἐς ἄστυός (Soph. Oed. rex 222) «считаться гражданином»⁵³. С этим наблюдением он сближает тот факт, что в отношении уплаты фороса ксены приравниваются к халкидским гражданам (καθάπερ οἱ ἄλλοι Χαλκιδέης) и фактически ассимилировались с ними; при этом он считает, что тот и другой перевод этого оборота подразумевает одну и ту же историческую интерпретацию⁵⁴. Но с этим уже нельзя согласиться. У Готье фактически получается, что в разбираемой клаузуле оборот τελεῖν ἐς Χαλκίδα имеет и то и другое значение (там же, стр. 74). С другой стороны, при этом нарушается явная взаимосвязь слов τελεῖν и ἀτέλεια; и, наконец, Готье не хочет замечать, что выражение τελεῖν ἐς Χαλκίδα прямо адекватно τελεῖν Ἀθήνας. В таком случае можно спросить: что же, ξένοι, ὅσοι τελευσῶν Ἀθήνας, логически вытекающие из нашего контекста, это ксены-афиняне, и придется снова вернуться на позиции Кёлера?

Далее Готье говорит, что причастие οἰκοντες обычно понимают в concessивном значении («за исключением всех тех, кто, хотя и живет в Халкиде, платит Афинам»), но его можно понимать и переводить и в каузальном смысле: «все те ксены, которые, проживая в Халкиде [= вследствие того, что они поселились в Халкиде], не платят Афинам» (там же, стр. 73). Поэтому он ставит вопрос, можно ли вообще говорить о том, что клаузула подразумевает вторую категорию ксенов, платящих в Афины. О разных вариантах перевода и о грамматике речь пойдет ниже, здесь замечу лишь, что, как и большинство других исследователей, я понимаю слова ὅσοι οἰκοντες, как простое определение. Цель всего параграфа Готье видит в том, что афинский законодатель во избежание злоупотреблений оговаривает: только те из союзников считаются халкидцами, кто не платит Афинам; иными словами, ксены, временно пребывающие в Халкиде, продолжают платить форос у себя на родине и по второму разу облагаться не могут.

Для выяснения характера сборов Готье, парируя критическое замечание Шенкля о том, что слово τέλος никогда не обозначало φόρος, говорит, что в данном случае речь идет о термине τελεῖν, который часто имел значение «уплачивать форос»⁵⁵. Он ссылается на литературные и эпиграфические источники⁵⁶, однако в них во всех случаях термины τελεῖν или ὀπότελεῖν тоят с дополнением φόρον, ἀπὸ τοῦ φόρου, ἐς τὸν φόρον и т. п. Только у Фукидида мы встречаем καὶ τὸ λοιπὸν ὀπότελεῖν, но это место не может

⁵¹ Там же, стр. 70, прим. 74.

⁵² Замечу, что после Фукара в пользу фороса высказывались еще Хикс и Хилл (Hicks — Hill, ук. соч. стр. 67).

⁵³ Впервые на это обратил внимание Виламовиц, приведя тот же самый пример (Wilmowitz, «Негме», 22, 1887, стр. 249, прим. 1).

⁵⁴ Gauthier, ук. соч., стр. 72, 74.

⁵⁵ Gauthier, ук. соч., стр. 72, прим. 79.

⁵⁶ Thuc., III, 46, 2; Antiph., fr. 55; Xen., Hell. I, 3, 9; IG, I², № 39, сткк. 26, 27 (наша надпись); № 17, сткк. 11, 12; M — L, № 65, сткк. 5—9; ATL II D 19, сткк. 14—16; ATL I, стр. 151, 154; II, стр. 29; III, стр. 88.

служить в качестве доказательства как в силу своей единичности, так и потому, что именно из-за отсутствия дополнения у Фукидида наряду с форосом вполне могли иметься в виду и другие подати, облагавшие союзников, например ἀρχαὶ обеим богиням, корова и паноплия, фалл на Дионисии, поставка гребцов для флота и т. п.⁵⁷ Готье сопоставляет термины нашего отрывка со стк. 26 предложения Диогнета: τὸν φόρον ὑποτελεῶ, Ἀθηναίοισιν, и считает, что клаузула Антиклея разъясняла в ответ на запрос халкидян, как должны были уплачивать форос иностранцы (ук. соч., стр. 72). Но это предположение также вызывает возражения. Во-первых, в стк. 26 стоит τὸν φόρον ὑποτελεῶ, а у нас τελεῖν — absolutum. Во-вторых, если верна гипотеза Готье, упомянутая последней, то Антиклей, по крайней мере, должен был употребить ту же терминологию, что и Диогнет⁵⁸.

Нельзя признать удачным и истолкование ателии в смысле ἀτέλεια φόρου⁵⁹. Готье сам сознает трудность своего положения и замечает, что нет ни одного свидетельства, подтверждающего его интерпретацию. Тем не менее он считает, что текст декрета о Мефоне делает возможным употребление термина ἀτέλεις φόρου (там же, стр. 74). Но выражение этого декрета τὸ δὲ ἄλλο (sc. φόρο) ἀτέλεις εἶναι⁶⁰ еще не равняется термину ἀτέλεια φόρου. Ἀτέλεια — это terminus technicus проксенических декретов, и значение его для V в. должно еще быть исследовано.

До сих пор неизвестно ни одного аттического проксенического декрета ранее IV в., где бы термин «ателия» стоял с дополнением, например μετακίου, εἰσφοράς, πάντων и т. п.⁶¹ Готье перечисляет все известные для V в. упоминания ателии⁶² — в двух надписях, [μετακίου] — дополнение А. Вильгельма. Впрочем, идею об освобождении от метойкиона, литургии и эйсфоры, учитывая убедительные аргументы Готье, надо оставить. С другой стороны, принимая во внимание перечисленные выше возражения, также должна быть оставлена и гипотеза Фукара, воспринятая Готье, — последний считал, что афиняне награждали своих chauds partisans, предоставляя им ἀτέλεια πάντων, включавшую прежде всего освобождение от уплаты фороса (там же, стр. 75 сл.). Таким образом, до сих пор остается в силе главный тезис полемики Шенкля⁶³: форос раскладывался на весь союзный полис целиком, а не на отдельных его граждан, поэтому совершенно невероятно, чтобы афиняне давали освобождение от фороса отдельным личностям.

Но если ни одно, ни другое объяснение не подходит, остается предположить, что в нашем декрете ἀτέλεια имеет свое обычное техническое значение, весьма распространенное в IV и в последующих веках и занимавшее первое место, по всей вероятности, и в более раннее время, — я имею в виду освобождение от торговых сборов. Они включали в себя не только ввозные и вывозные таможенные пошлины, но и налоги иного порядка: сборы за пользование общественными мерами и весами, рыночные сборы и т. п. Для выяснения преимущественного характера ателии VI—V вв., за неимением афинских данных, мы можем привлечь документы из других мест. Так, например, известная ателия, данная Ману г. Кизиком в конце VI в. (Syll.³, № 4; LSAG, стр. 367, 372, № 51, табл. 72), предусматривает ателию от всего прочего (τῶν δὲ ἄλλων πάντων), кроме сбора ναύσσον, пошлины за пользование общественными весами, налогов на продажу лошадей и рабов, и четвертины⁶⁴. Учитывая все изложенные сооб-

⁵⁷ Ср., например, надписи: М — L, № 40, сткк. 3—4; № 49, сткк. 11 сл.; № 69, сткк. 55 сл.; № 73, сткк. 14 сл. Интересно в этом плане словоупотребление декрета о Мефоне (М — L, № 65) φόρον... τάττων (стк. 6), но τελεῖν ἡσσον τῆι θᾶ[δῆ] ἀπ[ὸ] τῆ] δὲ φόρο ἐπίγυατο (сткк. 7,8) и дальше φέρων (стк. 9).

⁵⁸ Гипотезу Фукара о форосе критиковал еще Диттенбергер (Syll.¹, № 10, прим. 15).

⁵⁹ G a u t h i e r, ук. соч., стр. 74 сл.

⁶⁰ М—L, № 65, сткк. 9, 31—32.

⁶¹ См., например, O e h l e r, RE, II, s. v. ἀτέλεια, стб. 1911—1913.

⁶² G a u t h i e r, ук. соч., стр. 75, прим. 83.

⁶³ S c h e n k l, ук. соч., стр. 194.

⁶⁴ Один очень поучительный пример показывает, что и ἀτέλεια πάντων, которую, согласно предположению Готье, могли получать от афинян некоторые их рьяные сторонники, не всегда означала (даже на рубеже IV и III вв.!) полное освобождение от всех

ражения, необходимо признать, что в нашем декрете и τέλη, и ателиа имеют торговый характер⁶⁵. Такое толкование не противоречит и тому, что в фискальном отношении ксены приравниваются к халкидским гражданам, — как известно, в греческом мире торговыми сборами облагались все — и граждане и иностранцы.

И еще одно, весьма существенное, соображение. Резонно поставить вопрос: если под ателией в V в. обычно (и в том числе в Аттике) имелось в виду ἀτέλεια πάντων, то от каких статей обложения освобождал ею полис в конкретной ситуации привилегированных ксенов, не имевших постоянной резиденции в данном городе, но лишь временами сюда наезжавших? Имело ли для них какое-то практическое значение освобождение от метойкиона, литургий, эйфоры и т. п., если они и не собирались поселиться в данном месте?

Но логические аргументы, как бы они ни казались убедительными, все же уступают доводам, вытекающим из материала источников. Для нашего случая необходимо обратиться к одному из таких источников — к известной речи Демосфена против Лептина, произнесенной им самим в 355/4 г.⁶⁶ Для нас особенно интересен тот ее раздел, который касается беспорского правителя Левкона (Dem., XX, 29—40). Горячо выступая против законопроекта Лептина, предложившего лишить ателии всех лиц, которых прежде наградил его афинский демос, за исключением потомков тиранубийцев, Демосфен в указанных параграфах старается убедить своих слушателей следующим образом. Записав в своем законе, что «никто ни из граждан, ни из исотелов, ни из ксенов не должен обладать ателией» (μηδένα... εἶναι ἀτελή), Лептин, замечает оратор, не уточняет тот вид ателии, которого они лишаются — освобождения ли от хорегии или от какой-то иной повинности или налога (μη δεῖροσθαι δ' οὗτος [ἀτελή], χορηγίας ἢ τινος ἄλλου τέλους) — XX, 29. Это место прекрасно показывает, как сами древние относились к формуле декретов типа: εἶναι δὲ αὐτῶν ἀτέλειαν, где вид ателии не конкретизировался. Слова Демосфена как нельзя лучше показывают, что греки разумели под этой формулой — ἀτέλειαν πάντων в широком смысле, т. е. освобождение от всех видов повинностей и обложений, в противном случае данная формулировка могла вызвать разнотолки и должна была быть соответствующим образом уточнена.

Далее Демосфен указывает, что Лептин в словах τῶν ξένων не определяет этих ксенов как чужеземцев, живущих в Афинах (τῶν οἰκοῦντων Ἀθήνησιν), следовательно,

повинностей (налогов, литургий и т. п.). Речь идет о проксении, данной Илином около 300 г. до н. э. сыновьям Аристоксена тенеосцам (Syll. 3, № 355; ср. A. W i l h e l m, Attische Urkunden, V. Stzb. Wien, 220, 3, 1942, стр. 72 сл.). Наряду с прочими привилегиями (проксения, эвергесия, асия, энктесис, полития и др.) им предоставляется ἀτέλεια πάντων, причем сразу же оговаривается, в чем она состоит (сткк. 5—9): «И если кто купит у них или продаст им, (сделка) должна освобождаться от налога; если же кто-то взыщет его, пусть заплатит проксемам налог в десятикратном размере». Именно это, а не иное содержание ателии подтверждается и тем местом надписи, где проксемам дается право энктесис (разумеется, путем купли); там при обычном: εἶναι δὲ... αὐτοῖς... καὶ ἐγκτησῖν καὶ γῆς καὶ οἰκιῶν (сткк. 9—11) стоит приписка: καὶ ἰσ|λου ἔτου ἂν θέλωσιν ἐπ' ἀτέλεια (сткк. 11/12), т. е. им предоставляется привилегия беспрошленного приобретения любого имущества, какого они пожелают. Таким образом, документ ясно и определенно указывает, что в данном случае, вопреки распространенному мнению (им и вызвано примечание Диттенбергера: Quae hic de immunitate et de roenis eorum qui eam neglexerint leguntur, singularia sint), общая ателиа означала освобождение только от торговых сборов. Здесь под πάντων имеется в виду формулировка, соответствующая обычной: πάντων χρημάτων, ὧν ἂν αὐτοὶ εἰσάγωσιν ἢ ἐξαίρωσιν и т. д. Формула и содержание илионской ателии не представляли собой нечто уникальное, но были довольно распространены в это время, как свидетельствует проксенический декрет, данный малоазийской Кимой Филлиску из Кирены во II в. до н. э. (M i c h e l, № 511, сткк. 4, 12—15; ср. W i l h e l m, GGA, 1900, стр. 92). Эта проксения еще более подкрепляет предположение о том, что в подобных формулах πάντων = πάντων χρημάτων, так как в ней вслед за ателией стоит (сткк. 5—7): εἰσαγωγῶν καὶ ἐξαγωγῶν καὶ [εἰσπο]λ[ῶν] καὶ ἐκπο[λῶν] καὶ πολέμ[ω] καὶ εἰράνας[ίσ]ου[λι] καὶ ἀσπονδῶν.

⁶⁵ Интересно, что Готье допускает поначалу возможность торгового содержания налогов (ук. соч., стр. 75), но потом, отстаивая свое мнение, он (как и все его предшественники) забывает о такой возможности.

⁶⁶ См. F. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III, 1, Lpz, 1877, стр. 231 (в тексте опечатка: вместо 354 г. стоит 364 г.; ср. там же, стр. 226).

он лишает данной привилегии и Левкона, правителя Боспора, с сыновьями, так как Левкон по своему происхождению ксен, а по дарованию (τῆ παύσει) афинян — атический гражданин (XX, 29, 30). Этот отрывок интересен с двух точек зрения. Во-первых, из него вытекает, что афиняне (как и остальные греки) четко себе представляли, каких ксенов они награждают ателией — живущих у них в городе или вне его пределов — и отсюда какую практическую пользу тот и другой разряд ксенов мог извлечь из их дарования. Во-вторых, интересно то, что, хотя Левкон de jure афинский гражданин, de facto же он ставится на одну доску с ксенами, живущими вне Афин, недаром же Демосфен, применяя ораторский трюк, посредством выведения на сцену столь грозного для его противника по суду оружия, как правитель Боспора, своей уловкой прицепился в тексте законопроекта Лептина не к словам τῶν πολιτῶν, а к выражению τῶν ξένων.

Далее, если до сих пор ателия связывалась в речи только с разного рода литургиями (XX, 1, 8, 18—23, 27, 28), то начиная с § 31 в разделе о Левконе речь идет повсюду (за одним только исключением, разбираемым ниже) о торговых пошлинах, и это, конечно, не случайно. Целью Демосфена было показать, какой колоссальный ущерб принесет с собой новый закон, который, вступив в силу, лишит и боспорского правителя дарованной ему ателии. Здесь нет нужды подробно распространяться о привилегиях, данных Левконом афинским купцам, — вопрос достаточно исследован в литературе. Перечислю лишь главные аргументы оратора. По словам Демосфена, афинский демократ награждает Левкона и его сыновей ателией и правами гражданства (XX, 30). В свою очередь Левкон предоставил всем афинским купцам на Боспоре право беспоплиности (термин ἀτέλεια ни у кого из исследователей здесь не вызывает сомнения в его значении) и право внеочередной погрузки (судов). Кроме того, он совершил и ряд других благодеяний афинскому народу, в частности послал в голодный 357 г. большую партию зерна в Афины, вероятно, в кредит (XX, 31—33). Приводя соответствующие цифры, Демосфен убеждает сограждан в том, какой великий материальный ущерб они понесут, если одобрят закон Лептина, — ведь никто не станет сомневаться, что в ответ на лишение его привилегий Левкон со своей стороны отнимет право ателии у афинян (XX, 34, 35). Далее — ряд менее важных для нас доводов о моральном ущербе (XX, 36—39).

Но не одним этим объясняется торговое содержание термина ἀτέλεια в разбираемом отрывке. В самом деле, так уже необходимо было архонту Боспора освобождение от литургий и т. п., если он и раньше не нес подобных повинностей в пользу афинского государства? Правда, он теперь получил афинскую политию, но кто стал бы сомневаться в том, что, если бы Левкону предстоял выбор, что для него, не живущего и не собирающегося жить в Аттике, важнее и выгоднее — право гражданства, сопряженное с несением повинностей, или ателия без гражданских прав, — то он наверняка выбрал бы второе. Отсюда следует, что афиняне наградили Левкона и его сыновей непременно ἀτέλειαν πάντων (в широком смысле)⁶⁷, иначе бы их ἑσπέραι были бы «дарами» весьма сомнительного качества.

Сделанное заключение подтверждается весьма интересным и важным для нас § 40 речи против Лептина, перевод которого я позволю себе привести полностью: «Я даже не могу себе представить, чтобы кто-то, если захотел, не предложил Левкону обмен состояниями. Ведь его деньги всегда у вас под рукой, а согласно этому закону, если кто-то прибегнет к такому обмену, Левкон или лишится своего имущества, или будет вынужден исполнять литургии. Для него же самое главное не затраты, а мысль о том, что вы отобрали у него вами же дарованные привилегии». Прежде всего имеет смысл выяснить степень реальности ситуации, обрисованной оратором. Мне предста-

⁶⁷ Иного мнения Дж. Э. Сандз (J. E. Sandys, The Speech of Demosthenes Against the Law of Leptines, Cambr., 1890, стр. 42): «ἀτέλεια в его (Левкона) случае была, вероятно, просто освобождением от таможенных пошлин». И. Хазебрёк высказал другую крайнюю точку зрения: ателия Левкона — освобождение от литургий (J. Hassebrook, Staat und Handel im alten Griechenland, Tübingen, 1928, стр. 119, сл.); критику см. у С. А. Жебелева (СП, стр. 132, прим. 1).

вляется, что здесь следует различать два момента: действительное положение и юридические основания. Нет сомнения в том, что слова Демосфена не более чем адвокатский прием, в действительности никто никогда не дерзнул бы предложить владыке Боспора обмен имуществом, даже если бы закон Лептина и прошел. Тем не менее, чтобы этот прием возымел должное воздействие на аудиторию, он должен был иметь под собой формально-юридическую почву, а она существовала. В самом деле, закон Лептина в случае его проведения в жизнь лишал Левкона ателии, но сохранял за ним гражданские права, и поэтому он как афинский гражданин мог быть привлечен к несению государственных повинностей. Выяснение юридической стороны проблемы тем более важно, что такие же правовые нормы теоретически могли быть применены ко всем остальным «ксенам-гражданам», не занимавшим столь высокого положения⁶⁸.

Принципиальный вопрос о повинностях афинских граждан, живущих за границей, давно стоял перед исследователями и рещался ими на материале цитированного пассажа по-разному. Для нас он интересен в отношении только тех лиц, которым, подобно Левкону, право гражданства было даровано, — так называемых *πολιται θυροτοίητοι*. Как мы уже выяснили, на формально-юридическом основании они могли быть привлечены к исполнению литургий. Следует выяснить, *обязаны* ли они были привлекаться к повинностям со стороны государства или частных лиц. Существенным моментом здесь выступает наличие или отсутствие у них имущества в самих Афинах, подобно тому как его имел там Левкон⁶⁹. Мне кажется, что в отношении этой категории новоявленных граждан пассаж из речи не позволяет сделать заключения о том, что государство было обязано и вообще когда-нибудь заставляло этих лиц на практике выполнять литургии, поскольку Демосфен вводит подобную ситуацию в свое изложение только посредством *ἀντιδότης*. Этим термином обозначалась в Афинах следующая процедура: если какой-то афинянин (или метек) считал, что литургия наложена на него несправедливо, он мог предложить другому лицу, по его мнению более состоятельному, поменять имуществом и уже после такого обмена нести назначенную повинность. Я считаю, что указание на деньги Левкона в Афинах прямо связано с *ἀντιδότης*, поскольку эта операция сопровождалась взаимным осмотром имущества и его описанием⁷⁰. Стало быть, наш отрывок позволяет говорить о возможности привлечения интересующей нас категории граждан к литургиям только со стороны частных лиц и то путем *антидотиса*. Но и эта возможность практически сводится к нулю, поскольку такая операция даже в отношении граждан и метеков, проживавших в Афинах постоянно, заканчивалась обычно в суде гелиастов (Матышев, там же), т. е. опять же вмешательством государства, которое, естественно, в подобной ситуации скорее вставало на сторону привилегированного им иностранца-зверггата. Итак, практическая возможность привлечения этих «граждан-ксенов» к литургиям сводится к абсолютному минимуму.

В итоге проведенного анализа § 29—40 речи «Против Лептина» можно прийти к следующим выводам, которые мы вправе распространить и на V в., поскольку Демосфен приводит примеры о даровании ателии в этом столетии. Афинские граждане, ставшие таковыми по дарованию им политики, живя вне Аттики, но владея в ее пределах имуществом, юридически могли быть привлечены к исполнению литургий, реально же такая возможность близка к нулевой. Отсюда следует, что для той же категории граждан, не имевших в Афинах никакого состояния, эта возможность с практической стороны исчезает вовсе, а с юридической сводится к минимуму. Отсюда один шаг к на-

⁶⁸ Во всяком случае я не могу согласиться с Сандзом, считающим (ук. соч., стр. 42), что Левкон не мог привлекаться к литургиям не на основании своей ателии, а в силу «of his being a foreign prince not residing at Athens». Такой подход выявляет лишь частную, но не основную причину.

⁶⁹ Выражение *χρήματα... ἔστιν αἰεὶ παρ' ὄψιν αὐτοῦ* (XX, 40), по весьма удачному голкованию С. А. Жебелева (СП, стр. 132), надо понимать в том смысле, что «операции по закупке боспорского хлеба производились в кредит, что в афинском государственном банке хранились, в качестве депозита, деньги, причитающиеся Левкону за проданный хлеб». Действительно, *αἰεὶ* носит смысловой оттенок: «всегда, пока вы покупаете у него хлеб».

⁷⁰ В. В. Л а т ы ш е в, Очерк греческих древностей, I³, СПб., 1897, стр. 294.

более важному для нашего исследования заключению: ателия, дарованная афинским демосом вместе с политией ксенам, постоянно обитающим за пределами Аттики, в момент ее дарования (т. е. в тот момент, когда эти люди не собирались переселяться в Афины) имела лишь одно практическое значение и применение — освобождение от таможенных пошлин и прочих торговых сборов⁷¹. Излишне доказывать, что то же значение она имела и для чужеземцев, ставших афинскими ателями, но политических прав при этом не получивших, подобно халкидским ксенам, упомянутым в сткк. 54/55 постановления о Халкиде.

И, наконец, последнее и самое главное, что заставляет меня отказаться от интерпретации не только Фукара — Готье, но и всех предыдущих экзегетов, — это повторный грамматический анализ фразы, к которому я и перехожу.

Большинство исследователей считали и считают, что фраза грамматически не точна и небрежно составлена⁷². Было предложено даже несколько эмендаций⁷³. Однако после замечаний основных экзегетов пришли к выводу, что надо придерживаться текста в том виде, в котором он стоит на камне⁷⁴.

Изучаемый отрывок состоит из главного предложения, которое прерывается двумя придаточными: негативным определительным (относительным) и, как это обычно понимают, позитивным условным. Если перевести фразу дословно, как это, например, делал Майер (ук. соч., II, стр. 147): «Ксены в Халкиде, все те, которые, проживая (здесь), не платят телос в Афины, и если кому-то дана ателия от афинского народа, все же остальные должны платить телос в Халкиду, как и прочие халкидяне», то остаются непонятными обязанности двух категорий лиц, выводимых в обоих придаточных предложениях: должны они платить телос Халкиде или нет? Большинство интерпретаторов смущали в данном месте слова *τοὺς δὲ ἄλλους*, противопоставляющие как будто всю массу халкидских ксенов двум указанным категориям. Этот оборот и вызвал отчасти мнение о грамматической некорректности клаузулы. Однако еще Р. Шёлль, а затем и А. Вильгельм на ряде литературных и эпиграфических примеров убедительно доказали, что местоимение *ἄλλος* в такой ситуации служит не для противопоставления, а для возобновления основного понятия главного предложения, когда последнее прерывается одним или несколькими придаточными⁷⁵. Готье (ук. соч., стр. 73, прим. 80) подкрепил их наблюдения очень удачно процитированным пассажем из Фукидида (Thuc., V, 10, 10). Интересно схематически сопоставить структуру двух отрывков, на которые ссылаются названные исследователи, с построением разбираемого места надписи.

Проведенное сопоставление убеждает, что появление в резюмции *οἱ λοιποὶ* и коррелирующих с этим оборотом *τὰ δὲ ἄλλα* и *τοὺς δὲ ἄλλους* (все три адекватны определе-

⁷¹ Этот вывод подтверждает и целая серия аттических декретов IV в. до н. э., в которых при даровании иноземцам ателии (от метойкиона) или исотелии стоит оговорка: *οἰκοῦντες (οἰκοῦσιν) Ἀθηναίων* — «если (пока) он будет (они будут) жить в Афинах»; см. J. P e s i r k a, *The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions*, Praha, 1966, стр. 139 сл. Афины четко сознавали, что в противном случае (т. е. для ксенов, живущих вне пределов Аттики) эти привилегии были лишены смысла, поэтому они и вносили соответствующую оговорку.

⁷² См., например, M e y e r, ук. соч., II, стр. 146: «nicht grammatisch korrektes»; M — L, стр. 142: «may not be strictly grammatical».

⁷³ Первым — Кирхгоф (C I A, IV, 1, № 27a, стр. 12); он предложил: 1) поменять *οἰκοῦντας* на *οἰκοῦντας* и поставить это причастие перед *ἔσοι* (ср. G r o h, ук. соч., стр. 255), 2) вместо *μὴ — μέν*, 3) после *ἀτέλεια* — [*ἀτέλεις εἶναι*]. Критика его — у Шенкля (ук. соч., стр. 195), который предложил в свою очередь: 1) снять отрицание при *τελοῦσιν*, 2) после *ἀτέλεια* — (*μὴ τελεῖν*). Вельзинг (ук. соч.) предложил *ἔσοι μιστοῦντας* (мне недоступна, цитирую по Бузольту). Ср. E. N a c h m a n s o n, *Historische attische Inschriften*. Bonn, 1913, № 9, стр. 12, прим. 55; A. R e h m, *Phil. Woch.*, 1916, стр. 302; I G, I², № 39, стр. 19.

⁷⁴ Ср. G a u t h i e r, ук. соч., стр. 66. Надо заметить, что грамматическая структура фразы так или иначе мало напоминает лапидарный стиль.

⁷⁵ S c h ö l l, ук. соч., стр. 4, прим. 5; A. W i l h e l m, GGA, 1898, стр. 220; о нем же, *Attische Urkunden*, V, стр. 126. Шёлль считал это признаком древнего «журнального» стиля. Ср. R e h m, ук. соч., стр. 302.

Структура фразы	Andoc., I, 77—79	Thuc., V, 10, 10	IG, I ² , № 39
1. Главное понятие	περὶ δὲ τῶν ἐγγεγραμμένων (I, 77)	τὸ στρατεύμα (→ οἱ στρατιῶται, логический)	τοὺς δὲ ξένους (СТКК. 52/53)
2. Определение к главному понятию	ὅσα ὀνόματα...ἐγγέγραπται κτλ (I, 78)	ὅσοι μὴ διεφθάρησαν	ὅσοι οἰκοῦντες μὴ τελοῦσιν Ἀθήνας (СТКК. 53/54)
3. Парентеза, прерывающая определение	πλὴν ὅποσα... γέγραπται κτλ (I, 78)	ἢ αὐτίκα ἐν χερσὶν κτλ	καὶ εἴ τῃ δέδοται κτλ (СТКК. 54/55)
4. Резюмция главного понятия	τὰ δὲ ἄλλα πάντα ἐξελείφαι (I, 79)	οἱ λοιποὶ ἀπεκομίσθησαν	τοὺς δὲ ἄλλους τελεῖν ἐς Χαλκίδα κτλ (СТКК. (55—57)

нию главного понятия) вызвано, как показывает отрывок из Фукидида, вставкой (условно называемой нами парентезой), прерывающей основную линию повествования, и не зависит от того, противоположно или нет значение категорий резумиционной части фразы значению содержания парентезы.

Итак, анализ окончательно доказывает, что категория $\delta\sigma\iota \mu\eta \tau\epsilon\lambda\omicron\varsigma\iota\nu \text{ } \text{'}\text{A}\theta\eta\nu\alpha\zeta\epsilon$ должна $\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu \text{ } \epsilon\varsigma \text{ } \text{X}\alpha\lambda\chi\iota\delta\alpha$, и выражение $\tau\omicron\upsilon\varsigma \delta\acute{\epsilon} \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ ⁷⁶ — совершенно оправданный плеоназм, не имеющий противопоставляющего значения. Но $\delta\sigma\iota \mu\eta$ имеет одно временно и условное или исключающее значение и переводится: «если не; кроме тех, которые...»⁷⁷. Это дает возможность для второго варианта перевода, в котором отрицание формально снимается. Рассмотрим схему обоих возможных вариантов в приложении к нашему конкретному случаю.

В а р и а н т I (с сохранением отрицания): «... те, которые не платят телос в Афины, и если кому-то дана ателия..., должны платить телос Халкиде». Ясно, что обеим указанным категориям ксенов: (1) не платящим в Афины и (2) получившим афинскую ателию предписывается *платить* телос Халкиде. Это определенно вытекает из грамматической структуры фразы. так как второе придаточное присоединяется к первому соединительным союзом $\kappa\alpha\iota$. Тем не менее все сторонники такого перевода считали, что ксены, имевшие афинскую ателию, освобождались от уплаты телоса в Халкиду.

В а р и а н т II. Его приверженцы снимали при переводе отрицание, заменяя его выражением: «ксены, кроме тех, которые платят телос в Афины, и всякого, кому дана ателия, должны платить телос Халкиде»⁷⁸. Ясно, что обязанности (или, точнее, привилегии) этих двух категорий ксенов должны выражаться глаголом, противоположным (т. е. отрицательным) по своему значению сказуемому главного предложения, иными словами, они могут *не платить* ($\mu\eta \tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu$) телос Халкиде. Спрашивается, однако: каким образом в двух независимых придаточных, соединенных союзом $\kappa\alpha\iota$ исключающее значение оборота $\delta\sigma\iota \mu\eta$ одного из них, распространяется и на второе предложение, тем самым «освобождая» ксенов с афинской ателией от уплаты телоса Халкидскому полису⁷⁹. Или, иначе: почему снятие отрицания в первом предложении не заставляет восстановить его во втором⁸⁰? Если такое явление в греческой грамматике не беспрецедентно, то на сторонниках вытекающей из него интерпретации лежит *onus probandi*⁸¹. Пока языковых параллелей не нашлось, надо признать одно: принимая тот или иной вариант перевода, выдвигаемые экзегетами клаузулы, смысл остается одним и тем же, а именно противоположным во второй своей части предложенным толкованиям — согласно афинскому декрету, уплачивать телос Халкиде вменяется в обязанность двум категориям проживающих там ксенов: 1) не платящим телос в Афины, 2) *имеющим* (1) афинскую ателию.

Как же объяснить столь противоречивый факт, когда афиняне, предоставившие право ателии отдельным ксенам, заставляют их, тем не менее, платить телос Халкиде? По крайней мере, зачем и в какой связи они специально это оговаривают? Может быть, следует снова пойти путем эмендаций, совершенно справедливо отвергнутых ранее,

⁷⁶ Частица $\delta\acute{\epsilon}$ в этом обороте также имеет не противопоставляющее, а коюлятивно-резумитивное значение; см. R. Kühner, B. Gerth, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, II, Hannover — Leipzig, 1904, стр. 274, § 531, 2; J. D. Deniston, The Greek Particles, Oxf.², 1954, стр. 182 сл., № 3.

⁷⁷ Kühner — Gerth, ук. соч., стр. 423, § 558, 7.

⁷⁸ См., например, Todd, GHI, I², стр. 86; ср. M — L, стр. 142 сл.

⁷⁹ См., например, Hicks — Hill, ук. соч., стр. 67.

⁸⁰ Указанное противоречие превосходно отмечено Леманн-Хауптом («Hermes», 52, 1917, стр. 529).

⁸¹ Готье оригинально выходит из этого затруднения. Критикуя второй вариант перевода (ук. соч., стр. 73, прим. 80), он разбивает фразу на две части и затем на нескольких страницах подробно анализирует связь только первого придаточного предложения с главным (стр. 71—74). Приступая потом к анализу второй части (об ателии — стр. 74—76), он незаметно приходит к выводам своих предшественников, исключавшим ксенов, награжденных афинской ателией, из числа плательщиков телоса Халкиде. При таком подходе результат, тем не менее, остается прежним.

или опять сослаться на грамматическую неточность клаузулы⁸² и, руководствуясь этим, прийти вопреки грамматике к прежнему толкованию?

Я попытался вырваться из этого *circulus viciosus*, вновь обратившись к грамматическому анализу. Хорошо известно, что в греческом языке оборот *καί εἰ* вообще имеет уступительное значение и переводится «хотя и, если даже и, даже и» и т. п. В таком амплуа он открывает уступительные предложения⁸³. Надо заметить, однако, что в отличие от *εἰ καί* в обороте *καί εἰ* — *καί* может иногда иметь значение просто соединительного союза и присоединять новое условное предложение⁸⁴. Именно эту его функцию и усматривали в разбираемом контексте. Попробуем, однако, проверить, не имеет ли в нем оборот *καί εἰ* concessивного значения. В таком случае второе придаточное сделалось бы уже не независимым, а соподчиненным первому предложением, и местоимение *τοῦ* стало бы относиться к *ἄσσοι* как часть к целому. Перевод выглядел бы следующим образом: «Ксены в Халкиде — все те, которые, постоянно проживая там, не платят телос в Афины, даже если кому-то из них и дана ателия от афинского народа, должны платить телос в Халкиду, как и прочие халкидяне». Отрывок приобретает совсем иной смысл — речь в нем идет о ксенах, постоянно живущих в Халкиде, из которых выделяются две категории: (1) не платящие телос в Афины (стоит на камне), что подразумевает (2) ксенов, платящих телос афинянам. Как и в прежних интерпретациях, первая категория ксенов обязана уплачивать телос Халкидскому полису, но, согласно новому варианту, этот телос платят даже те лица из их числа, которые удостоились в Афинах права ателии; иными словами, афинская ателия не распространяется на полис Халкиду. Далее из надписи логически вытекает, что ксены, уплачивающие телос в Афины, освобождаются от его уплаты в пользу Халкиды. Мне думается, что вновь предложенный вариант гораздо более соответствует грамматической структуре фразы, чем предыдущие⁸⁵.

Таким образом, проведенный анализ отрывка и вытекающий из него перевод позволяют, как мне кажется, отказаться от интерпретаций, предложенных Готье и его предшественниками. Они отчасти были вызваны, на мой взгляд, примерно одними и теми же представлениями о политике Афинской державы в отношении союзных полисов, с одной стороны, и своих союзников в греческих городах, — с другой. Высказывались ли эти воззрения прямо или они ощущаются только по общему характеру концепций — суть их сводится к тому, что Афины, стоявшие во главе могучего морского союза, проводя политику гегемонизма, стремились как можно более ограничить союзников в их правах. Эта политика прибегала порой к крайне резким мероприятиям, особенно в отношении отложившихся и затем вновь усмирённых полисов. С другой стороны, Афины всячески отстаивали интересы своих сторонников, получавших от них

⁸² Вильгельм, например, критикуя точку зрения Вилламовица и Тола, считал фразу грамматически выдержанной (W i l h e l m, *Attische Urkunden* V, стр. 126).

⁸³ K ü h n e r — G e r t h, ук. соч., стр. 488 сл., § 578; D e n n i s t o n, ук. соч., стр. 304 сл.

⁸⁴ *εἰ καί* иногда выступает в той же функции, но тогда *καί* присоединяет к *εἰ* только следующее слово, см. K ü h n e r — G e r t h, ук. соч., стр. 489, прим. 1; D e n n i s t o n, ук. соч., стр. 302 сл.

⁸⁵ Э. Нахманзон (ук. соч., № 9, стр. 12, прим. 55), идя по стопам эмендации Кирхгофа, предложил после *ἀτέλεια* вместо конъектуры: (scil. *ἀτέλεις εἰναί*), обосновывая это эллиптическим пропуском аподосиса. При этом он сослался на авторитетный справочник Кюнера — Герта, а также на вышеупомянутую статью Шёлля и заметку Вильгельма в GGA (замечу, кстати, что ни у того, ни у другого из названных последними ученых нет об этом ни слова). Не говоря уже о сомнительности с точки зрения грамматики предположения об эллипсе аподосиса (ср. R e h m, ук. соч., стр. 302; как и многие исследователи, я вижу аподосис в *τοὺς δὲ ἄλλους κτλ.*), остается недоказанным, почему этим scilicet должно быть *ἀτέλεις εἰναί*. Может быть, из-за *ἀτέλεια* в стк. 55? Но там ателия относится исключительно к Афинам, поэтому с равным правом под этим scilicet можно поставить и *ἄπτελεις*. Иными словами, предположение Нахманзона — точно такой же пример интерпретации, базирующейся не на грамматике, а на определенной исторической концепции.

ряд привилегий: проксению и эвергесию⁸⁶, асимию⁸⁷, право приобретения земли и дома⁸⁸, и в том числе ателию⁸⁹. Чтобы оградить их личность и имущество от врагов афинского народа, в отношении некоторых из них специально оговаривается, что за их убийство виновника удут судить, как за убийство афинянина⁹⁰. Под влиянием этих фактов и родилось мнение, что если уже афинские власти наградили кого-то привилегированным правом ателии, то в замиренной ими Халкиде они обязательно должны были освободить этих лиц от уплаты телоса в пользу города⁹¹.

Тем не менее нельзя забывать, что афинская политика в отношении союзных полисов была гибкой и многообразной, как в общем, так и в частностях. При подавлении восстаний в отложившихся от архэ городах афиняне применяли наказания разного рода. С одной стороны известны примеры жестокой расправы — уничтожение всего (или части) взрослого мужского населения и продажа в рабство женщин и детей, полное разрушение города, эвакуация населения и заселение территории афинскими колонистами. Такова была судьба Скипоны в 421 г. (Thuc., V, 32, 1), Мелоса в 416/5 г. (Thuc., V, 116, 4), более 1000 граждан Митилены в 427 г. (Thuc., III, 50, 1). Известны, однако, примеры и менее строгого наказания восставших, «теоретическая база» которого сформулирована в программной речи Днодота (Thuc., III, 42—48). Выступая перед народным собранием против проекта Клеона, предлагавшего казнить вообще всех взрослых мужчин покоренной Митилены (Thuc., III, 37—40), Днодот высказал более практические взгляды умеренно настроенной оппозиции. Он предложил пощадить Митилену, исходя из тех соображений, что с разрушенного города афиняне лишатся доходов, в которых и содержится основная сила Афин (Thuc., III, 46, 3). По его мнению, лучше заранее следить за тем, чтобы тот или иной союзный город не отложился, а в критический момент, завладев полисом (готовящим или поднявшим восстание), ограничиться как можно менее строгими мерами наказания (Thuc., III, 46, 6). Основа такой политики, по его мнению, — стремление использовать крупные денежные ресурсы союзных полисов (Thuc., III, 46, 4).

Митиленская эпопея разворачивалась во время Пелопоннесской войны — в 427 г., а наш документ 446 г. относится к тому периоду, когда, по всеобщему мнению современных историков⁹², Делосская симмахия превращалась или уже превратилась в Афинскую архэ и когда афиняне, утратив после Каллиева мира непосредственный повод организации лиги, перешли к более жесткой эксплуатации своих союзников. Серия документов этого времени — постановления об Эрифрах⁹³, Милете⁹⁴, Эретрии⁹⁵, Колофоне⁹⁶, декрет о колонии в Брею⁹⁷, закон об установлении единых мер, весов и монеты⁹⁸, о панафинейских жертвах союзников⁹⁹ и др. — в этом действительно убеждают. Но есть один интересный случай, который идет вразрез с общеафинской политикой этого периода. Фасос, положение которого после подавления там восстания в 463 г. было не лучше, чем у Халкиды в 446 г., поскольку фасосцы были вынуждены

⁸⁶ IG, I², № 72, 103, 143—146, 152—157; Syll. ³, № 85, 92; M — L, № 80, 87, 89, 90 (неполно).

⁸⁷ См., например, IG, I², № 58; M — L, № 80.

⁸⁸ P e e f f e r, ук. соч., стр. 8—18.

⁸⁹ G a u t h i e r, ук. соч., стр. 75, прим. 83.

⁹⁰ См. G. E. M. de Ste C r o i x, CQ, XI, 2, 1961, стр. 274 сл.

⁹¹ Эта точка зрения нашла свое крайнее выражение у Ф. Гпницера (Abhängige Orte ..., стр. 94), считавшего, что после 446 г. Халкида превратилась в «Polis ohne Territorium», и странно не то, что ксены платят телос Афинам, а что они должны платить его Халкиде; ср. K a h r s t e d t, ук. соч., стр. 164 сл.

⁹² См., например, H. S c h ä f f e r, «Hermes», 71, 1936, стр. 129 сл.; W. K o l b e, «Hermes», 73, 1938, стр. 252 сл.; A. W. G o m m e, A Historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, стр. 365 сл.; R. M e i g g s, JHS, 63, 1943, стр. 20 сл.

⁹³ IG, I², № 10; M — L, № 40.

⁹⁴ ATL II D № 11.

⁹⁵ ATL II D № 16.

⁹⁶ IG, I², № 14/15; M — L, № 47.

⁹⁷ IG, I², № 45; M — L, № 49.

⁹⁸ ATL II D № 14; M — L, № 45.

⁹⁹ IG, I², № 66; M — L, № 46.

отказаться от основных источников дохода — пангейского рудника и материковых владений (Thuc., I, 101, 3), вдруг неожиданно в том же самом 446 г. (!) начинает платить вместо 3 талантов флороса 30; этот факт единодушно объясняется исследователями¹⁰⁰ тем, что афиняне вернули острову все или какую-то часть его былых привилегий.

Этим показательным примером я не собирался опровергнуть мнение о направлении общеполитической линии Афин в 40-е годы V в., но хотел только показать, что афинское государство в частных вопросах общественной и экономической жизни как «независимых», так и «подчиненных» союзников¹⁰¹ могло проводить относительно умеренную политику, полностью не лишая тех и других членов архэ самоуправления, но лишь ограничивая местную автономию¹⁰². То же мы наблюдаем и в отношении покоренной в 446 г. Халкиды по данным разбираемого декрета¹⁰³. Совет и дикасты афинян клянутся, что они без разрешения афинского народного собрания не изгонят халкидян из их родного города и не разрушат последний, не подвергнут никакое частное лицо без суда ни атимии, ни изгнанию, ни аресту, ни конфискации имущества или смертной казни (сткк. 6—10). Халкида сохраняет местные органы самоуправления: совет (стк. 62), народное собрание (сткк. 32—33). За Халкидой оставляется автономная юрисдикция в судебных процессах (сткк. 71—73), кроме особенно важных, где наказанием служат высшие меры — изгнание, смертная казнь и лишение гражданских прав. По этим делам предписывается апелляция к афинской гелиэе (сткк. 73—76)¹⁰⁴.

Точно так же и в фискальных вопросах Халкиде предоставляется автономное право решения. Как справедливо отмечалось¹⁰⁵, Афины в общем-то не намеревались мешать халкидянам собирать *τέλος* с живущих у них иностранцев. Согласно общепринятому толкованию, от этих сборов освобождаются ксены, уплачивающие телос Афинам. В свете всего сказанного выше нет ничего невероятного в предложенном здесь решении вопроса: афиняне сделали особую оговорку и в отношении лиц, получивших от них ателию, в том смысле, что последняя не распространяется на интересы халкидского фиска¹⁰⁶.

Вернемся теперь к определению ксенов, фигурирующих в документе. Их преимущественный род занятий, который имел в виду составитель параграфа Антиклеи, — торговля¹⁰⁷. Такое заключение можно сделать на основании проведенного выше анализа терминов *τέλειν* и *ἀτέλεια*, которые относились к таможенным пошлинам и торговым сборам иного порядка. Но что же это за категория *ξένοι, ὅσοι τέλοισιν ἄδρασταί*,

¹⁰⁰ См. J. P o u i l l o u x, Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos, I (Etudes Thasiennes II), P., 1954, стр. 108 сл.

¹⁰¹ См. G. E. M. de Ste C r o i x, Character of the Athenian Empire, «Historia», III, 1954, стр. 16—21.

¹⁰² Еще одной движущей силой такой политики было учитывание отношений к Афинам лояльно настроенных аттицистов-демократов в союзных городах. Это особо подчеркнuto в речи того же Дидота (Thuc., III, 47, 2—4). См. de Ste C r o i x, Character..., стр. 1—41; H. W. P l e k e t, «Historia», XIII, 1963, стр. 70—77; ср., однако, D. W. B r a d e e n, «Historia», IX, 1960, стр. 257—269.

¹⁰³ Ср. G a u t h i e r, ук. соч., стр. 89.

¹⁰⁴ Де Сент Круа высказал довольно убедительное предположение (CQ, XI, 2, 1961, стр. 272), что такой порядок, установленный афинянами, существовал вплоть до позднего периода истории архэ, вероятно, для всех союзных городов. Если эта гипотеза справедлива, то к изданному по этому поводу специальному постановлению можно отнести упоминание в «Халкидской псефизме» о *τῷ φεσηφισμῷ τῷ βεῖοι* в стк. 76 (ср. M — L, стр. 143; С о к о л о в, ук. соч., Труды, стр. 417).

¹⁰⁵ M — L, стр. 141.

¹⁰⁶ Критики данной интерпретации (ср. G a u t h i e r, ук. соч., стр. 76 и прим. 80) в качестве аргумента могли бы привлечь данные надписи IG, I², № 68/69, сткк. 5—6, где по восстановлению Б. Меритта («Hesperia», 14, 1945, стр. 107 сл.) фесийцам (?) и беотийцам дается право приобретения земли и дома в любом союзном городе архэ. Однако от определения привилегии на камне сохранилось только *ἐν ἐκαστῷ τῶν πόλεων ἐς* —, поэтому надо признать абсолютно справедливыми критические возражения Я. Печирки (ук. соч., стр. 4—8), сомневающегося в правильности восстановления и интерпретации, не имеющих прецедента.

¹⁰⁷ Ср. S c h e n k l, ук. соч., стр. 195 (ремесленники и торговцы).

логически вытекающая из клаузулы? Мне кажется возможным представить два толкования.

Прежде всего, можно предположить, что после усмирения Халкиды все ксены, проживавшие на территории этого полиса, были поделены афинянами на две категории: телос, собираемый с одной из них, шел в пользу Афин, другая же часть уплачивала его, как и прежде, Халкиде наравне с прочими халкидскими гражданами. Но против такого объяснения можно было бы выставить ряд контраргументов. Во-первых, если декрет регламентирует уплату телоса для этих двух различных категорий ксенов, то почему в таком случае он не декларирует само их разделение? Можно было бы предположить, что оно имелось в первом, не дошедшем до нас декрете, изданном ранее нашего сразу же после подавления восстания в Эвбее¹⁰⁸. Но в таком случае в нем же стояла бы и регламентация в отношении платежей, каковую не нужно было бы повторять в нашем втором постановлении. Мне представляется, что главная цель § 3 предложения Антиклея содержится именно в оговорке *καὶ εἰ τὸ δέδοται ὑπὸ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων ἀτέλεια*. Вызывает, однако, недоумение, почему наряду со столь серьезными вопросами, как меры по быстрейшему приведению к клятве обеих сторон (иными словами, по ратификации договора), обмен заложников, порядок фиксации постановления и клятвы, порядок совершения жертвоприношений, Антиклей специально оговаривает столь мелкий вопрос — как поступать с афинскими ателами. Внести ясность, я полагаю, помогла бы вполне вероятная гипотеза авторов АТЛ, поддержанная Готье¹⁰⁹: данное постановление было проведено в законодательном порядке в ответ на запрос самих халкидян. Причиной запроса Халкиды послужил, возможно, казус, возникший в результате того, что в первом декрете эта сторона фискального законодательства оговорена не была, и у афинских ателов в Халкиде (как, впрочем, и у современных исследователей), сложилось впечатление: раз уж халкидяне так сильно ограничены в своих правах, значит, им необязательно уплачивать телос. Если это справедливо, то мы имели бы еще одно подтверждение существования первого декрета; надо, тем не менее, отдавать себе отчет в том, что эта догадка лежит, разумеется, в области гипотез.

Итак, учитывая высказанные соображения отклоняющего порядка и особенно то, что первый декрет не содержал постановления о разделении халкидских ксенов на две категории, можно сделать вывод: в данной ситуации мы имеем дело с явлением уже сложившимся — общим как для обычной афинской, так и для общегреческой практики¹¹⁰.

Поэтому я решаюсь предложить иное истолкование имеющихся фактов. Суть его

¹⁰⁸ Вопрос о существовании первого декрета дискуссионный. Как отмечалось выше, по левому боку камня видно, что здесь к нему прикреплялась другая стела; сверху же он имеет углубление, по всей вероятности, для крепления рельефа с высеченным внизу именем секретаря (см. М — L, № 52, lemma). Майер считал, что вторая стела содержала аналогичное постановление об Эретрии, упоминаемое в стк. 42 (ук. соч., стр. 142 сл.). Он отвергал мнение о том, что на втором камне содержались условия подчинения Халкиды афинской архэ, на основании того, что последние не имело смысла увековечивать, так как это были всего лишь «Verwaltungsmassregeln». Однако его доводы кажутся неубедительными. После этого Соколов, полемизируя с Бузольтом, считал, что никакого первого постановления не было, и главный его аргумент — то, что упоминание в стк. 76 о *τῷ φεφέσμα τῷ δήμῳ* должно относиться, вероятно, к общему постановлению об апелляции от судов союзных городов (ук. соч., Труды, стр. 417). Как было показано выше, довод этот вполне оправдан; однако мы имеем еще в параграфе о заложниках (стк. 49) ссылку на *τὰ ἐφεφέσματα*, что указывает на какое-то ранее изданное постановление по конкретному случаю. Поэтому я присоединяюсь к мнению тех ученых, которые считают наш декрет вторым (см. из последних T o d, GHI, стр. 84; B e n g t s o n, Staatsverträge ..., стр. 73; М — L, стр. 140).

¹⁰⁹ АТЛ III, стр. 297; G a u t h i e r, ук. соч., стр. 72, 76; он пишет: «sans doute», что, однако, не означает полной уверенности; ср. J. et L. R o b e r t, Bulletin épigraphique, REG, 84, 1971, стр. 402.

¹¹⁰ Едва ли убедительно предположение авторов АТЛ (III, стр. 297), что сам факт запроса со стороны халкидян показывает, что проблема ксенов в афинской клерурии в Халкиде была новой.

в следующем. Как известно, все греческие ксены в зависимости от сроков пребывания в чужом полисе делились на две основные группы: постоянно живущие иностранцы ($\xi\epsilon\nu\alpha\iota \omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$) и пребывающие там временно ($\xi\epsilon\nu\alpha\iota \pi\alpha\rho\epsilon\pi\iota\delta\eta\mu\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$). Этот критерий влиял в какой-то степени на их правовое положение; так, например, афинские метеки входили в первую группу ксенов. У греков существовали особые нормы, определявшие принадлежность иностранцев к той или иной правовой группе и варьировавшиеся, вероятно, в каждом конкретном месте в определенный исторический период. Наши сведения по этому вопросу оставляют желать лучшего, но кое-что все же известно. Так, в договоре, сохранившемся на бронзовой пластине из Галаксии (древний Халей в Озольской Локриде) и относящемся ко второй четверти V в. до н. э.¹¹¹ один из параграфов гласит: «Если халеец в Эантее или эантеец в Халее задерживается более чем на месяц, пускай пользуется местным правом»¹¹². Из этого установления мы видим, что гражданин одной общины, прожив больше месяца в другом полисе, переходил в иную правовую группу ксенов, которую вслед за словоупотреблением документа можно назвать разрядом метеков (отличая их, конечно, от аттических метеков, имевших особый статус)¹¹³.

Такая группа ксенов существовала в любом греческом полисе, в том числе и в Халкиде, как до, так и после восстания 446 г.— это прямо вытекает из исследуемого параграфа «Халкидской псефизмы»: $\tau\omicron\varsigma \delta\epsilon \chi\alpha\lambda\kappa\iota\delta\omicron\upsilon\tau\epsilon\varsigma \epsilon\nu \chi\alpha\lambda\kappa\iota\delta\epsilon\iota \dots \omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$. Если ксен занимался торговлей, он платил полагающиеся торговые сборы ($\tau\epsilon\lambda\eta$) халкидскому полису. Однако внутри этой группы в нашем документе фигурируют две особых категории: (1) $\xi\epsilon\nu\alpha\iota \dots \delta\omicron\sigma\alpha\iota \omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma \mu\eta \tau\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\nu \text{ } \text{'}\text{Αθηνάζε}$ и логически вытекающая из нее (2) $\xi\epsilon\nu\alpha\iota \dots \delta\omicron\sigma\alpha\iota \omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\epsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\nu \text{ } \text{'}\text{Αθηνάζε}$ ¹¹⁴. Едва ли может возникнуть сомнение в том, что вторая, особая категория ксенов появилась в связи с завоеванием Халкиды и выведением туда клерухий.

Надо заметить, вопрос о клерухии 446 г. на халкидской территории весьма дискуссионный. Вся сложность в том, что Фукидид молчит о таком факте, и все споры ведутся по поводу того, доверять ли сообщению Плутарха (Plut., Per. 23, 4) об изгнании Периклом гиппоботов, а также, к какому событию относить свидетельство Элиана (Ael., Var. hist. VI, 1) о разделении халкидской земли на 2000 клеров — к первой клерухии 506 г. (Herod., V, 77, 2) или к 446 г. Несмотря на разнообразие точек зрения (одни ученые считают, например, что клерухия была основана, но клеры были отданы в аренду самим халкидцам¹¹⁵), все сходится в одном: после замирения Халкиды афиняне провели там крупные земельные конфискации¹¹⁶. Об этом убедительно свидетельствуют данные ставки фороса, сведенные у Бранта¹¹⁷. Не может быть сомнения в том, что на афинских земельных наделах в плодородной Лелантийской долине руками самих клерухов или арендаторов-халкидия производилась сельскохозяйственная продукция, главным образом, конечно, хлеб. Продукты земледелия экспортировались с Эвбеи в разные местности, но прежде всего (если не исключительно) в Афины¹¹⁸.

¹¹¹ IG, IX, № 333; T o d, GH1, I², № 34; LSAG, стр. 106, 108, 403, № 4, табл. 15; IG, IX, 1, III² № 717.

¹¹² Сткк. 6—8 A: $\alpha\iota \mu\epsilon\tau\alpha\text{ } \text{'}\text{Αθηναίοι πλεόν μῆνός εἴ ὁ Χαλεεὺς ἐν Ὀϊανθείαι εἴ Ὀϊανθεὺς ἐν Χαλειεὶ τὰ ἐπιδημιαὶ δίκαι χρεῖστῶ.$

¹¹³ Ср. M e y e r, ук. соч., I, стр. 311.

¹¹⁴ Мнение Готье (ук. соч., стр. 73) о том, что второй категории ксенов вообще не существовало, неубедительно, так как оно основано лишь на весьма сомнительном и недоказанном автором каузальном употреблении причастия $\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$ (см. выше).

¹¹⁵ См. S w o b o d a, ук. соч., стр. 20, прим. 5. Нессельхауф, присоединяясь к этой точке зрения, полагает, что клерухию вообще не выводили (ук. соч., стр. 138; ср. B u n t, ук. соч., стр. 89).

¹¹⁶ См. ATL, III, стр. 297; G a u t h i e r, REG, 79, 1966, стр. 71, прим. 21; B u n t, ук. соч., стр. 87 сл.; M. M a n f r e d i n i, SCO, 17, 1968, стр. 199—212.

¹¹⁷ B u n t, ук. соч., стр. 88 сл.

¹¹⁸ Такой порядок был установлен, вероятно, для большинства союзников. Разрешение на ввоз и вывоз хлеба и других товаров давалось отдельным лицам и целым общинам лишь в особых случаях, например, IG, I², № 58=ATL, II, 21, сткк. 1—6 (около 428 г., общине афитейцев); IG, I², № 57=M—L, № 65, сткк. 34—41 (около 430 г., г. Мефоне); IG, I², № 93=Syll. ³, № 92 (Ликону ахеицу — см. ниже).

Взамен хлеба на эту территорию ввозились другие товары. Такой торговлей могли заниматься, конечно, и сами клерухи, но, как это было распространено в греческих полисах, подобные функции брали на себя очень часто и ксены.

Теперь встает вопрос: в чью пользу шли торговые сборы с тех ксенов, которые экспортировали продукцию с территории афинских владений на острове (клерухии или нет — неважно) и, наоборот, импортировали сюда товар? Предоставлялось ли это право халкидцам или торговля шла порто-франко? Едва ли у кого-нибудь вызовет сомнение, если предположить, что эти τέλη шли исключительно в пользу афинского демоса, т. е. уплачивающие их ξένοι на самом деле τέλοισιν Ἀθηναίων. Иначе говоря, афиняне, соблюдая свои финансовые интересы, должны были следовать в этом вопросе общегреческой практике торгового законодательства.

К сожалению, мне неизвестно на этот счет прямых указаний, поскольку вообще наши источники по афинской колонизации довольно скудны. Однако кроме соображений общего порядка можно привлечь данные проксенического декрета IG, I², № 93 (= Syll.³, № 92), изданного в 419/8 или в 413/2 г., по которому Ликону ахейцу, наряду с постановлением о проксении и эвергесии, позволяется вывести его торговый корабль из Коринфского залива, после чего «разрешено ему плыть и ввозить товары во все места, где владычествуют афиняне, и в афинские укрепления»¹¹⁹. Технический термин ὅσης Ἀθηναίων κρατοῖσιν обозначал в надписях союзные города — члены архэ¹²⁰, а τα φρούρια включали наряду с просто военными гарнизонами, установленными в покоренных городах¹²¹, также и колониальные выселки Афин — их аграрные и военно-политические форпосты. Приведенные постановления о свободном въезде и ввозе товаров адекватны привилегиям εἰσπλοῦς (в нашем случае ἐμ πολέμῳ) и εἰσαγωγῆ более поздних проксенических декретов. Эти привилегии, данные афинянами Ликону в отношении своих поселений, предполагают возможность и других, в частности ателии на торговлю не только с Афинами, но и с клерухиями, в которой мы имели бы прямое подтверждение существования интересующих нас τέλη.

Итак, я резюмирую выводы, сделанные на основании вновь предложенной интерпретации.

I. § 3 предложения Антиклея регулирует порядок взимания торговых сборов с ксенов, постоянно проживающих в Халкиде.

II. Эта группа иностранцев делилась в фискальном аспекте на две категории: (1) ксены, торговавшие с полисом Халкидой, платили торговые τέλη этому городу, а (2) ксены, которые вели торговлю с афинскими островными владениями (клерухией?), уплачивали эти сборы в пользу Афин¹²². Такое положение сложилось после подавления Афинами эвбейского восстания 446 г. и последовавших за ним земельных конфискации.

III. Цель введения исследуемой клаузулы в «Халкидскую псефизму» в том, чтобы определить порядок уплаты торговых сборов для тех ксенов первого разряда, которые получили право ателии на торговлю с Афинами. Законодатель определяет, что данная

¹¹⁹ Сткк. 11—15: καὶ ἐξένοι αὐτῶι πλέν καὶ χρήματα εἰσαγεν ὅσης Ἀθηναίων κρατοῖσιν καὶ ἐς τὰ Ἀθην[α]ίων φρούρια.

¹²⁰ Ср. Gauthier, REG, 84, 1971, стр. 77.

¹²¹ Например, в Эрифрах — Syll.³, № 41, стк. 41.

¹²² Правовой статус ксенов второй категории нам неизвестен. Вполне возможно что он полностью соответствовал статусу афинских метеков, особенно если учесть, что «афинские колонисты сохраняли афинскую юридическую и коммерческую практику на их новом месте жительства» (A. J. G r a h a m, «Historia», XII, 1963, стр. 128; ср. В. П. Я й л е н к о, Греческая колонизация Средиземноморья в эпиграфических источниках VII—IV вв. Автореф. канд. дисс., М., 1972, стр. 22). Однако мое представление об этих ксенах сильно отличается от взглядов на них экзегетов второго лагеря, предполагавших, что они были уже, так сказать, «готовыми» метеками, переселившимися из Аттики. Я объясняю генезис данной социальной категории иначе: в состав этих ксенов-метеков могли вливаться любые иностранцы, будь то афинские, халкидские или какие-то иные ксены. Основной, характеризующий их критерий — не афинское Quasi-bürgerrecht (по выражению Виламовица), а факт их постоянного проживания в Халкиде и постоянные коммерческие связи с местными территориальными владениями Афин.

привилегия не освобождает их от уплаты τέλη, законно причитающихся Халкидскому полису. Вероятная причина введения параграфа — имевший место казус и вызванная им апелляция халкидян к афинским органам власти.

В заключение хочу отметить, что выдвинутое толкование, на мой взгляд, лучше преодолевает затруднения языкового и реально-исторического порядка, связанные с интерпретацией этого интересного отрывка афинского постановления о Халкиде.

Ю. Г. Виноградов

ONCE MORE ON THE CHALKIDIAN PSEPHISM (IG I² 39)

by Yu. G. Vinogradov

The author returns to the most difficult passage in the Athenian decree on Chalkis, the third clause in the motion of Antikles (lines 52—57). The central problem, which has evoked a host of interpretations, is how to understand the category οἱ ξῆνοι, ὅσοι μὴ τελοῦσιν Ἀθήνας and the converse category, logically implied by this one, of *xenoi* who do pay dues to Athens. In the author's opinion the chief shortcoming of the interpretations offered hitherto, one which only P. Gauthier has tried to overcome, has been the absence of serious effort to grasp the essential meaning of the terms τελοῦσιν and ἀτέλεια. All the meanings so far assigned to *ateleia* in this passage (exemption from the *metoikion*, from liturgies, from *eisphora*, *phoros* and the like) are vulnerable to criticism. The author suggests that the term has here quite another meaning, namely exemption from the dues levied on trade: duties, the tax on sale transactions, fees for the use of public weights and measures, and the like. This was the basic and one of the most common meanings of the term *ateleia* from the VI century onwards. In order to clarify the nature of the two categories indicated above the author re-examines the syntactical structure of the passage. He agrees with R. Schöll and Ad. Wilhelm that the words τοὺς δὲ ἄλλους (lines 55—56) do not mark a contrast but have a resumptive force, reverting to the main topic, τοὺς δὲ ξένους (lines 52—53), after the interjection of two subordinate clauses (lines 53—55). The author's own contribution to the syntactical interpretation of the passage concerns the words καὶ εἰ (line 54), to which in his opinion should be given a concessive meaning: «even if». The sense of the passage is then: «All *xenoi* who, residing in Chalkis, do not pay dues to Athens, even if any of them has been granted *ateleia* by the Athenian people, are to pay dues to Chalkis». According to the author's interpretation, the third clause in the motion of Antikles regulates the collection of trade dues and taxes from *xenoi* residing in Chalkis. Because of the situation at that time those among them who traded with Chalkis itself had been paying their trade dues to Chalkis, while others who traded with Athenian island possessions (cleruchies?) had been making these payments to Athens. The purpose of this amendment to the Chalkidian psephism was to make sure that an Athenian grant of *ateleia* to any individual *xenoi* would not exempt them from payment of trade imposts due to Chalkis. This interpretation would seem to conflict with the general tendency of Athenian policy in relation to the allies, which by the middle of the V century was towards intensified exploitation of them. However, the example of Thasos, to whom in the same year when the decree on Chalkis was adopted (446/5 B. C.) Athens granted a number of substantial economic privileges shows that at this time, in particular cases, the Athenians might treat their allies much more leniently.